

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ:

Вязинкин А. Ю. Настроения крестьянской бедноты конца 1920-х годов (на материалах партийных организаций): историко-поколенческий анализ / А. Ю. Вязинкин, В. А. Ипполитов // Научный диалог. — 2025. — Т. 14. — № 9. — С. 369—388. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-369-388.

Vyazinkin, A. Yu., Ippolitov, V. A. (2025). Sentiments of Peasant Poverty in Late 1920s: A Generational Historical Analysis. *Nauchnyi dialog*, 14 (9): 369-388. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-369-388. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Настроения крестьянской бедноты конца 1920-х годов (на материалах партийных организаций): историко- поколенческий анализ

Вязинкин Алексей Юрьевич

orcid.org/0000-0003-3821-6168

кандидат философских наук, доцент,
старший научный сотрудник

vyazinkin@yandex.ru

Ипполитов Владимир Александрович

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

кандидат исторических наук,

старший научный сотрудник

корреспондирующий автор

vladimir.ippolitov@mail.ru

Тамбовский государственный
технический университет
(Тамбов, Россия)

Благодарности:

Исследование выполнено за счет гранта

Российского научного фонда

№ 22-18-00132-П,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

Sentiments of Peasant Poverty in Late 1920s: A Generational Historical Analysis

Alexei Yu. Vyazinkin

orcid.org/0000-0003-3821-6168

PhD in Philosophy, Associate Professor,
senior research scientist

vyazinkin@yandex.ru

Vladimir A. Ippolitov

orcid.org/0000-0001-9327-3865

ScopusAuthorID 58616569100

WoS ResearcherID: GYQ-5776-2022

PhD in History,

senior research scientist,

corresponding author

vladimir.ippolitov@mail.ru

Tambov State Technical University
(Tambov, Russia)

Acknowledgments:

The research was carried out at the expense
of a grant Russian Science Foundation

№ 22-18-00132-P,

<https://rscf.ru/project/22-18-00132/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Представлен анализ настроений советской деревенской бедноты конца 1920-х годов с позиций поколенческой истории. Авторы выделяют в генерационной структуре советской деревни 1920-х три поколения: поколение «детей революции», поколение «революционного перелома» и старшее поколение. На основе архивных документов выявлены особенности восприятия советской повседневности конца 1920-х годов крестьянами указанных поколений. Подчеркивается, что крестьяне-бедняки, чувствуя поддержку со стороны власти, начитают осознавать свою важную роль в преобразовании деревни, но даже среди них идея коллективизации поддерживалась декларативно, а активисты-колхозники выражали недовольство своим положением. Сопоставительный анализ показал, что представители поколения «детей революции» наиболее остро воспринимали проблемы социальной несправедливости в изповской деревне и выражали готовность к решительной борьбе с «чуждыми элементами». Показано, что в генерации «революционного перелома» наблюдались схожие настроения, но, ощущая себя частью крестьянского социума, представители этой группы выражали недовольство методами проведения хлебозаготовок. Установлено, что резко усиливающееся налоговое бремя осуждались и представителями старшего поколения. Авторы приходят к выводу о том, что общей тенденцией настроений крестьян-бедняков было враждебное отношение к зажиточным крестьянам и местной бюрократии.

Ключевые слова:

поколение революционного перелома; дети революции; коллективизация; поколенческая история; аграрная история; нэп; группы бедноты; хлебозаготовки.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study analyzes the sentiments of the Soviet rural poor in the late 1920s through the lens of generational history. The authors identify three distinct generations within the Soviet countryside of the 1920s: the “Children of the Revolution,” the “Generation of Revolutionary Break,” and the older generation. Drawing on archival documents, the research uncovers how these generations perceived the everyday realities of Soviet life during this period. It is emphasized that poor peasants, feeling supported by the authorities, began to recognize their significant role in transforming rural society; however, even among them, support for collectivization was largely declarative, with active collective farmers expressing dissatisfaction with their circumstances. A comparative analysis reveals that members of the “Children of the Revolution” were particularly sensitive to issues of social injustice in the NEP-era countryside and demonstrated a readiness for decisive action against “alien elements.” Similar sentiments were observed among the “Generation of Revolutionary Break,” yet this group, feeling a part of the peasant community, voiced discontent regarding the methods employed in grain procurement. It was established that the increasingly burdensome tax obligations were condemned by representatives of the older generation as well. The authors conclude that a prevailing trend among the sentiments of poor peasants was a hostile attitude towards wealthier peasants and local bureaucracies.

Key words:

Generation of Revolutionary Break; Children of the Revolution; collectivization; generational history; agrarian history; NEP; groups of poverty; grain procurement.

УДК 930:343.638(470.23-25)“1926/1930”

DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-9-369-388

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Настроения крестьянской бедноты конца 1920-х годов (на материалах партийных организаций): историко-поколенческий анализ

© Вязинкин А. Ю., Ипполитов В. А., 2025

1. Введение = Introduction

В последние годы приобрел актуальность поколенческий подход в исследованиях по аграрной истории России. Он позволяет представить панорамную картину переломных эпох, в которых ведущую роль сыграло активное поколение, ставшее носителем новых ценностей и идей. Несомненно, такой переломной эпохой для советской деревни стал этап коллективизации.

Коллективизация осуществлялась параллельно с переменой в культурной политике советского государства, что, несомненно, умножало воздействие власти на общество. «Перевоспитание крестьян» было одной из основных задач в этой «культурной революции» [Дэвид-Фокс, 2020, с. 269]. Усиленное государственное давление не могло не отразиться на настроениях советских крестьян.

Исследователи советского села на рубеже 1920—1930-х годов сосредотачивали свое внимание на социальной истории деревни [Фишпатрик, 2008], на социальном поведении крестьян [Евдокимов и др., 2014], роли молодежи в переустройстве сельского хозяйства [Панарин и др., 2012], настроениях крестьян [Иевлева, 2016], взаимоотношениях власти и Церкви в их влиянии на деревню [Гераськин и др., 2019].

Немаловажен аналитический материал, представленный в научных работах, посвященных политическому сознанию и политической культуре советских крестьян изучаемого периода [Кедров, 2013; Кузнецов, 2013]. Исследования крестьянских настроений в эпоху коллективизации часто фокусируются на феномене крестьянского протesta. Историки акцентируют внимание на специфике крестьянского бунта [Виола, 2020], реакциях на политику коллективизации [Безгин и др., 2019], касаются проблематики гендерной истории [Строганов, 2021] и т. д.

Существуют также исследования, посвященные проблеме межпоколенного конфликта в советской деревне в исследуемый период [Гончарова, 2011;

Кульгускина, 2002], однако в этих работах не применяются теоретические подходы и методы поколенческой истории. В последние годы появились исследования, посвященные заявленной проблеме в рамках поколенческой и ювенальной истории. В них рассмотрена преимущественно проблема межпоколенного конфликта в деревне на рубеже 1920—1930-х годов в контексте вовлечения властью детей и молодежи в «антирелигиозную политику» на селе [Слезин и др., 2022; Слезин, 2023б]. А. А. Слезин предпринял попытку реконструировать общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» в указанный исторический период [Слезин, 2023а], однако те, безусловно, значимые теоретические выводы, к которым пришел исследователь, лишены качественно поколенческой специфики.

В связи с представленным обзором научной литературы нам представляется крайне актуальной для истории поколений прежде не решенная в таком виде проблема реконструкции настроений крестьян рубежа 1920—1930-х годов в фокусе полифонии поколенческих голосов.

Цель исследования заключается в изучении настроений крестьянской бедноты конца 1920-х годов не в контексте межпоколенных конфликтов, а в аналитическом обзоре полифонии поколенческих голосов.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Данная работа опирается на поколенческий подход в исторических исследованиях, который позволяет представить панорамную картину настроений в советской деревне в изучаемый период. В 2000-е годы социолог и специалист в области крестьяноведения Т. Шанин выступил с проектом поколенческой истории (истории поколений). Императивом научно-исследовательского проекта Т. Шанина выступает парадигма поколенческого видения истории, которая выделяет в качестве стержня понимания исторического процесса «цепь поколений» [Шанин, 2005, с. 7]. Этот научный проект в значительной мере ориентирован на исследование исторических периодов мощной общественно-политической турбулентности. Следуя в своей аргументации за позицией М. Блока, Шанин утверждает, что именно драматический исторический опыт прочно откладывается в памяти поколений. Более того, этот опыт создает «модели и представления, особые когнитивные связи, некий *Zeitgeist* (“дух времени”), непосредственно объединяющий всех его участников в политическое поколение» [Шанин, 1997, с. 299]. Собственно говоря, это утверждение содержит в миниатюре центральный тезис проекта поколенческой истории Шанина. Следует особо отметить, что каждый исторический период переживается многими поколениями, поэтому «мышление каждой эпохи полифонично» [Мангейм, 1998, с. 13]. Что характерно для позиции большинства исследователей,

близких по своим теоретическим положениям и научным задачам к этому проекту, и самого Шанина в частности, этот опыт наиболее отражается на жизни и деятельности поколения, которое застало «политическую бурю» в молодом возрасте. По мнению Шанина, это как раз молодежь, но молодежь зрелая, способная осмыслять социальную, и политическую реальность и готовая действовать в соответствии со своими теоретическими выводами и убеждениями. В связи с этим особый акцент делается на голосе молодого поколения «детей революции» [Слезин, 2023б, с. 448].

Методика историко-поколенческого анализа заявленной проблемы содержит следующие позиции: классификация исследуемой крестьянской бедноты, деление ее на поколения согласно возрастным и социальным критериям; учет социальной роли, жизненного опыта и исторического контекста формирования мировоззрения представителей различных поколений; обобщение выявленных закономерностей, показывающих, как исторические условия и социальная роль формировали специфические поколения крестьян-бедняков; формулирование выводов о взаимосвязи поколенческих различий и общности, а также о значимости поколенческого анализа для понимания социальной динамики крестьянства в сложный период.

В данном исследовании использовались материалы конференций групп бедноты Козловского округа Центрально-Чернозёмной области (ЦЧО). Наиболее полными являются стенограммы 1-й (13—14 декабря 1928 года) и 2-й (21—23 декабря 1929 года) окружных конференций. Также изучались материалы районных конференций бедноты Сосновского района (19—20 июня 1929 года), Ламского (25 июня 1929 года), Глазковского (10 октября 1929 года). Участников данных конференций можно назвать активистами, так как они занимали низовые административные должности, входили в состав групп бедноты и нередко являлись членами партии и ВЛКСМ. В качестве дополнительного источника использовались секретные сводки информационного отдела ЦК ВКП(б) по настроениям крестьянства и политические сводки по письмам в газеты. В 1928—1929 годах представителям поколения «революционного перелома» было приблизительно от 28 до 43 лет. В статье возраст крестьян делегатов указан на момент проведения конференций.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Крестьяне-бедняки в конце 1920-х годов

Изучение заявленной проблемы, с одной стороны, ориентировано на выявление полифонии настроений крестьянской бедноты в целом, с другой стороны, предполагается сравнительный анализ в связи с поколенческой спецификой настроений. Последнее невозможно без предваритель-

ного определения генерационной структуры сельского общества. Авторы ориентируются на историческое исследование, в котором определена и обоснована поколенческая структура советской деревни в 1920-е годы [Слезин, 2023б]. С учетом этих данных в генерационной структуре сельского общества конца 1920-х годов авторы выделяют поколение «детей революции» (родившихся в первое десятилетие XX столетия), поколение «революционного перелома» (родившихся примерно в середине 1880-х — 1890-х годах) и старшее поколение (родившихся в 1870-е годы).

Социальная политика власти в конце 1920-х годов была направлена на раскол деревни с помощью двух основных действий: фаворитизации бедноты и конструирования образа «кулака» [Гончарова, 2015, с. 15]. Особые собрания комитетов и групп бедноты в деревне стали создаваться после Октябрьского пленума ЦК ВКП(б). В документе ставилась задача беднякам совместно с середняками отстаивать линии партии в работе советов, кооперации, кресткомов, продвигать своих кандидатов на перевыборах [КПСС в резолюциях ..., 1984, с. 415].

В конце 1920-х годов в ЦЧО стали проводиться конференции групп бедноты разных уровней. Дела, касающиеся их, содержат в себе программы конференций, тексты докладов, записи прений, вопросы, заданные докладчикам, анкеты делегатов. Среди всех материалов конференции наибольший интерес вызывают стенограммы прений делегатов, которые наиболее полно отражают их общественно-политические настроения. Стенографировались прения по-разному: наиболее важные выступления записывались полностью, в иных случаях пересказывалась основная мысль. Авторы провели поколенческий анализ высказываний тех делегатов, анкетные данные которых сохранились. Анкеты содержали в себе перечень вопросов: год рождения, партийность, занимаемая должность, полученная помощь от государственных органов (ссуды и кредиты), уровень образования, размер сельскохозяйственного налога, способ обработки земли и др.

На материалах фондов конференций групп бедноты Козловского округа составлена база данных их участников. Для удобства работы информация заносилась в таблицу Microsoft Excel. Всего было проанализировано более 200 анкет крестьян-активистов из бедноты. Средний возраст участников конференций — 33,8. Среди них грамотных было 78,8 %, малограмотных — 10,5 %, неграмотных — 8,8 %. 72,6 % крестьян были освобождены от уплаты сельскохозяйственного налога.

Большинство крестьян активистов в конце 1920-х годов продолжали обрабатывать землю своими силами (56 %) (рис. 1). Значительная часть бедняков нанимали работников (22 %) или сдавали свой надел в аренду (13 %). С точки зрения вульгарного марксизма треть делегатов конферен-

Рис. 1. Способ обработки земли крестьянами — участниками конференций групп бедноты в 1928—1929 годах. Источник: [ГАСПИТО, ф. П-840, оп. 1, д. 308, 133, 311].

ции можно было назвать эксплуататорами, так как они использовали чужой труд и получали доход с аренды земли. Несмотря на активную пропаганду, лишь 5 % активистов вступили в коллективные хозяйства на момент конференции.

3.2. Активисты из поколения «детей революции»

Первая окружная конференция групп бедноты Козловского округа состоялась 13—14 декабря 1928 года. Открывал конференцию заведующий отделом по работе в деревне окружкома ВКП(б) Фомин, который наряду с успехами подчеркнул наличие в стране серьезных проблем. Одна из них состояла в существовании огромного количества мелких крестьянских хозяйств, которые слабо использовали технику в работе. По мнению партийца, изжить эти сложности можно было только путем индустриализации и коллективизации деревни [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 1].

Младшее поколение, или «дети революции», было меньше представлено на бедняцких конференциях, чем другие возрасты. Но характерно, что их выступления выделялись своим радикализмом. Основной пафос их речей был направлен против социально-чуждых элементов. Комсомолец А. Н. Негодяев (22 года), оценивая работу ВЛКСМ, сказал: «Мы еще слабы в деревне». Молодой человек в своём выступлении привел случай, когда в Старо-Юрьевском районе кулаки сожгли дом неугодного им председателя сельского совета. Кроме того, зажиточные крестьяне использовали подкуп, дачу ложных показаний, что приводило к аресту честных работников [Там же, л. 6].

Особым радикализмом отличались выступления членов комсомола. Восемнадцатилетний П. И. Филатов констатировал наличие чуждых эле-

ментов в кооперативном аппарате. Формализм чиновничьей работы, по его словам, проявлялся в том, что приезжавшие для проверки деятельности сельских советов инструкторы первым делом заводили дружбу с председателем [Там же, л. 8].

Ряд активистов из групп бедноты стремились к расширению своих полномочий, надеясь на возрождение практик периода существования комитетов бедноты в 1918 году. В. М. Руднев (27 лет) из Троекуровского района, у которого, согласно анкете, не было никакого имущества, выражал надежду на сближение с новой властью: «Если мы поближе подойдем к советской власти и партии, то мы разобьем кулака» [Там же, л. 7]. П. В. Никушкин (30 лет), который не имел никакого имущества, говорил, что в его деревне из 63 дворов было всего 5 бедняцких [Там же, л. 1]. Несмотря на то, что беднота составляла явное меньшинство, активист выражал надежду на установление ею контроля над советским и кооперативным аппаратом.

В сводках информационного отдела ЦК ВКП(б) за июль 1928 года перечисляются случаи, когда в некоторых районах Урала и Сибири беднота самовольно взламывала амбары и растаскивала хлеб у кулаков и из общественных складов. В Сергеевском районе Пермского округа был разграблен общественный амбар, а хранящийся в нем семенной фонд был разделен между крестьянами. В сводке подчеркивалось, что взлом и распределение носили организованный характер. Показательно решение, принятое на собрание бедноты в Шадринском округе: «Отобрать фураж у зажиточных и распределить среди бедных» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 50]. Подобные эгалитаристские настроения бедняков угрожали стабильности советской власти в деревне, поэтому преимущественно пресекались с помощью силовых структур.

В 1929 году в связи с усилением политики власти по наступлению на зажиточные элементы в деревне активизировался поиск врагов внутри партии. Молодые крестьяне-бедняки охотно откликались на подобные кампании. Работавший избачом В. П. Кузнецов (25 лет) рассказывал, как в Ламском районе «хороший» коммунист Логунов попал под влияние кулаков и допустил недовыполнение плана хлебозаготовок на 20 тысяч пудов. За подобный поступок Логунов был исключен из ВКП(б). В целом Кузнецов признавал: «Слабость работы наших работников на селе еще имеется» [Там же, л. 5]. Д. А. Григорьев (27 лет) выражал возмущение практикой, когда партийцы, попавшие под суд, снимались с работы и перебрасывались на более ответственные и лучше оплачиваемые должности [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 103].

П. М. Володин в 20 лет уже был членом партии и председателем одной из групп бедноты в Троекуровском районе. Однако на конференции он рас-

критиковал деятельность сельских коммунистов, которые, будучи «заняты проведением разнородных кампаний, не имеют возможности как следует руководить работой бедноты» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 13]. «Кампанейщина» в работе сельских партийных структур в 1920-е годы служила поводом для критики со стороны крестьян. Схожие мотивы прослеживаются в выступлении В. М. Панина (27 лет). Не имевший никакой собственности делегат резко критиковал недобросовестных членов ВКП(б): «Есть такие партийцы, которые живут в Москве и имеющуюся землю сдают кулаку, которые при помощи этой земли дерут с нас шкуру. Таких партийцев нужно проверить, принять меры» [Там же, л. 16]. Судя по данным анкеты, Панин работал председателем кооператива, не имея никакого имущества, что, вероятно, способствовало его негативному отношению к членам партии — выходцам из деревни, которые сделали карьеру в городе.

Кампания по поиску чуждых элементов не обошла стороной и ВЛКСМ. Делегат Сосновского района В. Е. Красников (25 лет) сетовал, что в Дегтянском сельском совете сидели кулаки, которые вступили в комсомол и колхоз и «не давали бедноте выговорить слово» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 12].

Хлебозаготовительные кампании и коллективизация также нашли своё отражение в выступлениях молодых активистов. И. С. Космынин (28 лет) отмечал, что в Ламском районе группы бедноты проводили активную работу по выявлению излишков, но только члены хлебозаготовительной комиссии получили вознаграждение за свою работу [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 65].

Интересным представляется выступление Н. А. Буркова (23 года) из Хворостянского района, который утверждал, что «многие из бедняков идут в колхозы лишь для того, чтобы нажиться» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 18]. Среди поколения «детей революции» были чрезвычайно широко распространены антибуржуазные настроения. Многим молодым людям казалось, что возможно построение справедливого общества без имущественного расслоения.

В политической сводке за 1928 год, составленной для ЦК ВКП(б) по письмам в газету «Крестьянская правда» и журнал «Красная деревня», сообщалось об увеличении интереса к крупному коллективному хозяйству. По материалам многих писем было заметно, что крестьяне, преимущественно беднота, склонялись к мыслям о выгодности совместного ведения земледелия. Крестьянин Н. П. Гаврилов из Кирсановского уезда Тамбовской области писал: «Единоличное хозяйство — гибель, спасение в коллективе ... в настоящее время, окружающие крестьяне, воочию видя, что коммунары действительно живут слаще меда, — так и повалили в кол-

лектины» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 318, л. 33]. Заметное количество подобных свидетельств показывают, что среди маломощного крестьянства было распространено стремление построить новую жизнь в коллективных хозяйствах, тем самым избежать хронической бедности.

3.3. Социально-политические настроения крестьян поколения «революционного перелома»

Представители генерации «революционного перелома» составляли большинство на окружных и районных конференциях групп бедноты. Эти крестьяне находились в самом деятельном возрасте 30—40 лет, поэтому проявляли наибольшую активность по сравнению с другими поколениями.

Определение места бедноты в социальной и политической жизни деревни являлось одной из ключевых тем, затрагивавшихся на конференциях. М. А. Бочаров (30 лет) из Козловского района, рассуждая о роли бедноты, подчеркивал: «Мы сильны, но плохо организованы, темны и были забиты, находясь под вековым гнетом буржуазии» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 10].

В выступлениях крестьян поколения «революционного перелома» четко прослеживаются антикулацкие настроения, которые умело использовала власть для раскола деревни. Делегат Ламского района М. В. Щеглов (39 лет), служивший председателем сельского совета, заявил, что «бедноте нужно теснее сплотиться, чтобы избавиться от кулака. Иначе кулак постарому будет жить за счет бедноты и набивать свой карман» [Там же, л. 3]. Активисты возмущали факты наличия сельских советов, где существовало «засилье зажиточных, которые и гнут свою линию». По его данным, ряд кредитных товариществ охотнее давали займы богатым, нежели бедняку. Впрочем, подобные факты говорили о рациональности кредитных организаций, которые были заинтересованы в получении назад своих средств, что было проблематично при кредитовании бедноты. Как видим, в речах активистов были собраны почти все пропагандистские штампы.

Критика деятельности низового советского аппарата занимала особое место в выступлениях крестьян. Представитель Сосновского района В. Г. Сизов (42 года) рассказал, как уполномоченному земельного общества простили недостачу казенных 160 рублей [Там же, л. 6]. Л. А. Фролов (29 лет) из Сеславинского района, занимавший должность заместителя председателя сельского совета, сетовал на бюрократизм в РИКах (Районный исполнительный комитет), где крестьян «гоняли без дела» по разным ведомостям. Сам делегат вспоминал, что его продержали в Окстрехкассе целых полтора часа, чтобы работник расписался в получении им денег [Там же, л. 7]. В ряде сельских советов преобладали «чуждые элементы», которые распределяли среди зажиточных фонды для бедноты. Активист

требовал «таких сельсоветчиков-мироедов снять оттуда хорошей метлой» [Там же, л. 7].

Доносительство против «чуждых элементов», поощряемое властью, находило поддержку среди актива бедноты. В 1929 году А. К. Букин (29 лет) сообщал, что магазином артели инвалидов «Рекорд» заведовал И. Д. Востриков, который в царское время занимал должность «воинского начальника». Также, по его словам, членом артели состоял М. Карпилов, который вел крупную торговлю и имел свой дом [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 3]. Сам Букин не имел ничего, кроме избы. Видимо, поэтому у него было развито чувство классовой ненависти.

Крестьяне нередко выражали недовольство частной торговлей, которую они считали спекуляцией. Например, Д. С. Брюхин (30 лет) был возмущен тем, что железнодорожные работники торговали пшеничной мукой. Землепашцу также не нравилось, что некоторые рабочие сохраняли свой надел земли и еще арендовали участки, таким образом, по его словам, имели «два куска» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 9]. Брюхин в своём выступлении ставил вопрос о предоставлении пенсии пожилым крестьянам. Он считал несправедливым, что рабочие, у которых был 8-часовой рабочий день, пенсию имели, а крестьяне, трудившиеся 24 часа в сутки, — нет [Там же, л. 9]. И. М. Трубников (33 года) на конференции в Сосновском районе утверждал, что в кооперации непрерывно повышались цены на промышленные товары, несмотря на распоряжение об их снижении [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 106 об]. В выступлениях активистов прослеживается традиционная для 1920-х годов «зависть» крестьян к рабочему классу.

На крестьянских конференциях нечасто встречается критика политики советской власти, но на районном уровне иногда звучали довольно смелые высказывания. В июне 1929 года на конференции групп бедноты Сосновского района В. И. Шириков (34 года) позволил себе не согласиться с тезисом докладчика о низких темпах развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью. Крестьянин упомянул дорогоизнну промышленных товаров: «Купить эти товары по такой дорогой цене нашему бедняку и середняку не под силу». Шириков напоминал, что крестьяне продавали хлеб городу по «нормальной» цене, а промышленность поставляла дорогие товары в недостаточном количестве. Также он отметил, что деревенская молодежь имела сильное желание учиться, но оно не могло быть реализовано из-за недостатка средств. Довольно смелым было предложение землепашца о предоставлении деревенской молодежи привилегий в поступлении на учебу, чтобы догнать в своём «культурно-политическом» развитии город [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 311, л. 103].

Крестьянин-бедняк подверг критике методы проведения хозяйственно-политических кампаний в деревне. Шириков заявил: «Хлебозаготовка по нашему селу прошла в виде бури, без всякой предварительной подготовки. Сразу прямо избрали комиссию из батраков и пастухов совершенно неграмотных и с делом не знакомых, они долго мыкались с раскладкой 900 пудов хлеба, намеченного к вывозке по плану» [Там же, л. 103]. Кулаков в селе, по оценке бедняка, было незначительное количество. В итоге высокие задания были разложены на крестьян, у которых почти не было хлеба. За невыполнение плана этих землепашцев арестовали, что Шириков считал «совершенно неправильным». Бедняки-активисты хотели получить самостоятельность в проведении хлебозаготовок, чтобы провести подворные обходы с целью выявления излишков. Но в комиссии на это не пошли, в итоге задания распределялись без учета наличия запасов, что приводило к конфликтам.

Приведем анкетные данные В. И. Ширикова. Он родился в 1894 году. Его хозяйство было обложено сельскохозяйственным налогом в размере 4 рублей. Имущество Ширикова состояло из избы, двора, коровы, 2 овец. Землю он обрабатывал своим трудом. Был грамотным и имел профессию плотника [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 311, л. 15]. Выступление крестьянина на конференции формально было лояльным к советской власти, что не исключало серьёзной критики положения в стране. Крестьянин выражал настроение широких слоев сельского социума, которые отрицательно воспринимали политику «чрезвычайщины» в деревне.

Кризис хлебозаготовок к концу 1920-х годов стал причиной дефицита продуктов питания, что привело к недоеданию и голоду в отдельных регионах. Более всего от такой ситуации страдала беднота, которая, как правило, не имела хлебных запасов. С. А. Иванов (41 год) констатировал, что в Глазковском районе бедняки употребляли в хлебе суррогаты. По его мнению, власть в таком случае должна была снабжать продуктами питания свою опору в деревне — бедняков и батраков [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 16 об]. А. В. Попов (38 лет) из Глазковского района, из имущества имевший только избу, на конференции сказал, что «богатеев щадить и скрывать не нужно, хлебные излишки у них нужно отобрать» [Там же, л. 16]. Его земляк С. Ф. Жданов (31 год) сообщал о наличии в комиссиях зажиточных, которые искривляли линию партии, накладывая повышенные задания на маломощные хозяйства [Там же, л. 16].

Уже летом 1928 года в партийных информационных сводках фиксируются многочисленные факты продовольственных затруднений. Как типичный случай, в сводке фиксируется выступление вдовы-беднячки на собрании в Кубанском округе: «Нас советская власть задушила этими хлебозаготовками, нас оставили голодными. Сейчас в станице хлеба нет,

куда дели хлеб хлебозаготовители, мы не знаем» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 307, л. 32]. В документе резюмировалось, что отсутствие хлеба в сельских кооперативах наряду с развивающейся спекуляцией вызывали резкое недовольство бедняцко-середняцкой массы крестьянства. Как широко распространенное заявление в среде бедноты в сводке приводится следующая цитата: «О нас заботятся меньше всего. Муки нет, купить её негде, а кулак не продает, говорит, вам кооперация и советская власть дает, вы за неё и голосовали, а если и продает, то по 5—7 рублей за пуд» [Там же, л. 47].

Член ВЦИК Курочкин в письме в президиум после поездки по Волге в 1928 году писал: «Население очень недовольно, говорят, что у нас государство берет хлеб по цене 60 копеек за 16 килограмм, а беднякам приходится покупать по 3—5 рублей … правительство совсем подрывает крестьянское хозяйство тем, что все недоимки, самообложение, размещение займа проводит одновременно» [Там же, л. 48].

Крайне упадочные настроения в Николаевском округе фиксировал селькор «Бедноты», который писал: «Беднота чуть не встает оружием против власти. Я не знаю, с намерением было все это сделано, чтобы бедняки страдали?» [Там же, л. 49]. В официальных документах причиной подобных настроений называлась эксплуатация бедноты со стороны кулачества.

При проведении хлебозаготовок бедняцкий актив не останавливался перед применением неприкрытых угроз и насилия. Особенно выделялись на общем фоне члены коллективных хозяйств, нередко испытывавшие к единоличникам настоящую ненависть. В 1929 году в Сосновском районе Г. Г. Кульгускин (32 года) при проведении хлебозаготовок вместе с другими членами артели основную нагрузку разложили среди кулаков, попов и других церковников. В ответ на возмущения последних колхозники-бедняки заявили: «Что вы хотите, чтобы мы вам под ребра залезли?» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 6] При реализации плана активно применялись штрафы в трехкратном размере. Подобный нажим позволил выполнить план хлебозаготовок в его селении в 4 дня.

Впрочем, не вся беднота участвовала в разорительных для села хлебозаготовительных кампаниях. В Ламском районе делегат М. Ф. Овчинников (33 года) констатировал «наплевательское» отношение бедноты к хлебозаготовкам. По его наблюдениям, бедняки рассуждали так: «Нечего делать на собрании, коль стоит вопрос хлебозаготовок, мы <...> сами без хлеба сидим» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 63].

После XV съезда партии в декабре 1927 года тема колхозификации становится ключевой на сельских конференциях всех уровней. В Сосновском районе член партии М. И. Попов (35 лет) агитировал, что «индивидуальные хозяйства никогда не добьются больших урожаев при своей

плохой, раздробленной на сотни полос земле, при имеющейся плохой её обработке» [Там же, л. 104]. Партиец полагал, что обладание частной собственностью всегда будет порождать стремление к обогащению, которое невозможно без эксплуатации чужого труда.

В конце 1920-х годов наскоро созданные коллективные хозяйства зачастую быстро распадались из-за отсутствия материальной базы и квалифицированных кадров. И. Ф. Завьялов (28 лет) сообщал на конференции в Старо-Юрьевском районе, что распалось два товарищества по совместной обработке земли якобы из-за кулацкой агитации. Еще одно объединение состоявшее из 110 едоков из бедных крестьян, несмотря на наличие скота и машин, в течение двух лет не могло дать экономических результатов. Причину этого Завьялов видел в отсутствии хорошего руководителя [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 15]. Активист отмечал факты кулацкого террора, проявившегося в том, что у организатора товарищества зарезали лошадь.

В 1929 году делегат А. Ф. Лебедев привел факт создания в селе Дубовом Избердеевского района кулаком колхоза, из которого тот выгнал всех бедняков и середняков [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 9]. В. О. Савинков (36 лет) рассказал о трудностях при организации колхоза в Старо-Юрьевском районе, где землеустроители из РИКа отказались выезжать на место, потому что отсутствовали незанятые специалисты [Там же, л. 10]. М. В. Щеглов (39 лет), сам будучи членом колхоза, в своем выступлении высказывал точку зрения, что в созданные хозяйства должны чаще приезжать землеустроители и агрономы, так как «они почти совсем там не бывают» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 3].

3.4. Старшее поколение крестьян-активистов в конце 1920-х годов

Представители старшего поколения, присутствовавшие на конференциях, высказывались в основном комплиментарно по отношению к власти. Непременным условием проведения политики партии считалось «вычищение» враждебных элементов из советского аппарата. А. М. Мерзляков (54 года) говорил: «Ненужных вредных элементов нужно гнать, не считаясь с тем, кем бы он раньше не был». Он же предлагал усилить борьбу с хулиганством и кражами, которые, по его словам, за последнее время усилились [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 11].

Наиболее радикально настроенные крестьяне требовали проведения жесткой классовой линии в деревне, не считаясь с родственными связями. В 1929 году А. М. Мерзляков (55 лет), представлявший Старо-Юрьевский район, жаловался на пассивное отношение прокуратуры к кулакам. Сам он, будучи заместителем председателя сельского совета, «нажал на своего брата — кулака, злостно не сдающего хлеб и продал его имущество» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 3]. Таким образом, активист пошел,

выполняя установки партии, против ближайшего родственника. Данный поступок демонстрирует раскол в деревне по классовому принципу, которого сознательно добивалась власть.

Вопрос о недостатках социального обеспечения незащищенных групп населения часто поднимался на конференциях. А. Я. Ершова (44 года) призывала отличать вдову от бедняка. По её словам, «мужчина бедняк, как бы плохо он не жил, все же может вспахать и обработать свою землю». Вдовы были вынуждены на кабальных условиях сдавать землю кулаку [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 132, л. 19]. К. Е. Борцов (55 лет), который много лет работал в ККОВ (Крестьянский комитет общественной взаимопомощи), заявлял, что бедноту трудно организовать. Единственным выходом из нищеты он видел в коллективизации [Там же, л. 63].

Неграмотная крестьянка М. А. Ануфриева (48 лет) на конференции в Сосновском районе заявила, что во время проведения хлебозаготовок в 1929 году «получилось несколько неправильных моментов». Например, семьи красноармейцев были обложены сверх необходимого и вынуждены были сдать весь хлеб, бедняки штрафовались за невыполнение заданий, активистам пообещали за работу по выявлению излишков выдать хлеба, но ничего не дали [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 103]. И. Ф. Соловьев (45 лет) на конференции в Ламском районе заявлял, что, «несмотря на проводимую работу, беднота недоверчиво смотрит на Соввласть» [Там же, л. 63]. В доказательство он привел факт, что в его селе беднота неохотно участвовала в хлебозаготовках.

По секретным сводкам информационного отдела ЦК ВКП(б) от 28 августа 1928 года, фиксировалось положительное отношение основной массы бедноты ЦЧО к увеличению налогообложения зажиточных слоев деревни. Впрочем, часть бедноты, якобы зависимая от кулачества, выражала недовольство увеличением экономического давления, которое косвенным образом ляжет на их плечи. В сводке констатировалось, что характерным для настроения этой части крестьянства являлись следующие выступления: «Если соввласть будет облагать налогом лошадников за обработку земли у бедноты, то последняя никакого облегчения от освобождения её от налога не получит, так как придется лошаднику платить в пять раз дороже» [РГАСПИ, ф. 17, оп. 85, д. 311, л. 137]. Бедняки считали, что «с увеличением налога власть приводит бедноту к тому, что ей придется выть волком и не иметь возможности воспользоваться у зажиточных и середняков запасами, а без этого беднота прожить не может» [Там же, л. 138].

Увеличение налогового бремени на побочные заработки в 1928 году вызывало возмущение даже маломощных слоев сельского социума. Партийные сводки того периода свидетельствуют о повсеместном распространении

нении антисоветских настроений, охватывавших все регионы. Особую тревогу вызывало, что откровенно антисоветские выступления были характерными даже для бедноты и середняков – социальных групп, официально считавшихся опорой режима: «Соввласть своей налоговой политической добьется того, что крестьяне будут кричать “долой” коммунистов, как кричали в своё время долой царя» [Там же, л. 138].

Проблема образования крестьянских детей была особенно актуальна для активистов из старших поколений. Н. М. Орехов (45 лет) из Сосновского района жаловался, что учителя «очень скверно» относились к детям бедняков и покровительствовали детям служащих, торговцев и попов. Он считал необходимым выгонять с работы учителей-белоручек и принимать на их место «хороших, сознательных» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 310, л. 106]. Сам Орехов не имел лошади и нанимал рабочую силу для вспашки своей земли.

В выступлениях крестьян старших возрастов заметное место занимает сравнение дореволюционной и советской действительности в пользу, разумеется, последней. Кандидат в члены партии Е. С. Искуссных (69 лет) заявлял: «При крепостном праве нам жилось очень плохо — нас били, над нами всячески издевались вплоть до того, что наших бабок заставляли кормить своими грудями барских щенят. Но и после освобождения от крепостного права нам жилось не лучше — появились кулаки и закрепощали нас» [ГАСПИТО, ф. П-835, оп. 1, д. 307, л. 5]. Как видно из цитаты, крестьяне-активисты использовали в своей речи множество пропагандистских клише, которые активно распространяла власть. Неудивительно, что далее крестьянин призывал «разбить вдребезги» кулаков, религию и т. д.

4. Заключение = Conclusion

В конце 1920-х годов положение бедноты в деревне было противоречивым. С одной стороны, эти люди являлись частью крестьянского социума и ощущали нарастающее давление со стороны власти. С другой стороны, беднота, с точки зрения идеологии, являлась привилегированной частью населения, но поддержка со стороны государства была явно недостаточной. Участие в хлебозаготовительных кампаниях 1920-х годов стало своеобразной проверкой на лояльность власти со стороны групп бедноты, которые были вынуждены идти против сельского общества.

В выступлениях ряда активистов из бедноты в конце 1920-х годов прослеживается оптимизм в отношении будущего. Главным препятствием на пути к благополучию, судя по их выступлениям, было кулачество. Активисты отмечали «хитрость» кулаков, которые якобы всеми способами оказы-

вали противодействие власти, саботировали меры по реализации политики Советов. «Красной нитью» в выступлениях крестьян-бедняков прослеживалась неприязнь по отношению к более удачливым односельчанам.

В отношении будущего крестьяне-бедняки, вслед за официальной пропагандой, выражали надежду на скорое улучшение положения и социальных условий, но текущее положение дел в деревне оценивалось ими как тяжелое. Пессимистические настроения в среде активистов были связаны с недостатком продовольствия в деревне, налоговым гнетом, бюрократизмом местных чиновников и т. д. Коллективизация воспринималась активистами как способ решения проблемы бедности, но в силу разных факторов быстрых результатов добиться не удавалось.

С одной стороны, круг проблем, обсуждаемых разными поколениями крестьянской бедноты, различался в той степени, в которой эти проблемы соответствовали их социальному положению и роли, определяемой возрастом. Если молодежь остро реагировала на многочисленные факты социальной несправедливости и в целом была наиболее радикально настроена, то старшее поколение, к примеру, было озабочено проблемами образования детей. Представители же поколения «революционного перелома», поскольку были наиболее социально активными, выносили на обсуждение широкий круг насущных проблем. С другой стороны, принадлежность тех и других к одному социальному классу — крестьянской бедноты — предопределила общность интересов и настроений разных поколений.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	The authors declare no conflicts of interests.

Источники и принятые сокращения

1. ГАСПИТО — Государственный архив социально-политической истории Тамбовской области. ГАСПИТО. Ф. П. 835. (Козловский окружной комитет ВКП(б)) Оп. 1. Д. 308, 133, 311 ; Д. 132. Лл. 1, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 15, 16, 19 ; Д. 307. Лл. 5, 6, 9, 10, 12, 15 ; Д. 310. Лл. 16, 16 об, 63, 65, 103 об, 104, 106 об.

2. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. — Москва : Политиздат, 1984. — Т. 3. — С. 415.

3. РГАСПИ — Российский государственный архив социально-политической истории. Ф. 17. (Центральный комитет КПСС) Оп. 85. Д. 307. Лл. 32, 47, 48, 49, 50 ; Д. 311. Лл. 103, 137, 138 ; Д. 318. Лл. 33.

Литература

1. Безгин В. Б. Политика коллективизации и крестьянское сопротивление (по материалам Козловского округа Центрально-Черноземной области) / В. Б. Безгин, В. П. Ни-

колашин // Научный диалог. — 2019. — № 6. — С. 243—259. — DOI: 10.24224/2227-1295-2019-6-243-259.

2. *Виола Л.* Крестьянский бунт в эпоху Сталина : коллективизация и культура крестьянского сопротивления / Л. Виола ; [пер. с англ. А. В. Бардина]. — Москва : РОССПЭН, 2010. — 366 с. — ISBN 978-5-8243-1311-6.

3. *Гераськин Ю. В.* Власть и Церковь в период коллективизации в рязанской деревне / Ю. В. Гераськин, С. Н. Джейранов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. — 2019. — № 2 (63). — С. 27—41.

4. *Гончарова И. В.* Конфликт «отцов и детей» : новое прочтение (участие молодежи Центрального Черноземья в политических кампаниях 1928—1930 гг. В деревне / И. В. Гончарова // Современная наука : актуальные проблемы теории и практики. Серия : Гуманитарные науки. — 2011. — № 2. — С. 3—7.

5. *Гончарова И. В.* Крестьянство Центрально-Черноземной области в условиях подготовки и проведения коллективизации в 1928—1932 гг. : диссертация ... доктора исторических наук : 07.00.02 / И. В. Гончарова. — Москва, 2015. — 522 с.

6. *Дэвид-Фокс М.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе / М. Дэвид-Фокс. — Москва : Новое литературное обозрение, 2020. — 464 с. — ISBN 978-5-4448-1214-3.

7. *Евдокимов А. П.* Социальное поведение крестьянства Мордовии в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. : от конфронтации к адаптации / А. П. Евдокимов, Т. Д. Надькин // Гуманитарные науки и образование. — 2014. — № 4. — С. 153—156.

8. *Кульгускина Л. В.* Социально-психологический облик поколений «отцов» и «детей 1930-х гг.» / Л. В. Кульгускина // Известия Алтайского государственного университета. — 2002. — № 4. — С. 34—40.

9. *Иевлева О. И.* Коллективизация и настроения крестьян Сухиничского округа Западной области / О. И. Иевлева // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. — 2016. — № 4—1. — С. 193—197.

10. *Кедров Н. Г.* Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы / Н. Г. Кедров. — Москва : Политическая энциклопедия, 2013. — 280 с. — ISBN 978-5-8243-1815-9.

11. *Кузнецов И. А.* Политическая культура крестьянства и политический режим в СССР в 1920—1930-е гг. / И. А. Кузнецов // Государственная власть и крестьянство в XIX — начале XXI века. — Коломна : Московский государственный областной социально-гуманитарный институт, 2013. — С. 482—484.

12. *Мангейм К.* Проблема поколений / К. Мангейм // Новое литературное обозрение. — 1998. — № 2 (30). — С. 7—47.

13. *Панарин А. А.* Молодежь в переустройстве сельского хозяйства в СССР на рубеже 20—30-х годов XX века / А. А. Панарин, Ю. А. Степура // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 1 : Регионоведение : философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. — 2012. — № 2. — С. 56—62.

14. *Слезин А. А.* Общественные настроения крестьян поколения «революционного перелома» на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин, К. А. Якимов // Научный диалог. — 2022. — Т. 11. — № 8. — С. 453—469. — DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469.

15. *Слезин А. А.* Дети в «антирелигиозном наступлении» на рубеже 1920—1930-х гг. / А. А. Слезин // Новейшая история России. — 2023а. — Т. 13. — № 4. — С. 956—973. — DOI: 10.21638/spbu24.2023.416.

16. Слезин А. А. Межпоколенческий разлом российской деревни : влияние «антирелигиозного наступления» коммунистической молодежи на рубеже 1920—1930-х годов / А. А. Слезин // Научный диалог. — 2023б. — Т. 12. — № 3. — С. 446—477. — DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477.
17. Строганов А. В. Феномен женского протesta на селе в Московской области в период коллективизации / А. В. Строганов // Власть. — 2021. — Т. 29. — № 1. — С. 144—149. — DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7929>.
18. Фицпатрик Ш. Сталинские крестьяне. Социальная история Советской России в 30-е годы : деревня / Ш. Фицпатрик ; [пер. с англ. Л. Ю. Пантина]. — 2-е изд. — Москва : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, 2008. — 422 с. — ISBN 978-5-8243-1012-2.
19. Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905—1907—1917—1922 гг. / Т. Шанин. — Москва : Весь мир, 1997. — 560 с. — ISBN 5-7777-0039-X.
20. Шанин Т. История поколений и поколенческая история / Т. Шанин // Человек. Сообщество. Управление. — 2005. — № 3. — С. 6—25.

*Статья поступила в редакцию 15.06.2025,
одобрена после рецензирования 05.10.2025,
подготовлена к публикации 14.11.2025.*

Material resources

- GASPITO — *The State Archive of socio-political History of the Tambov region. Gaspito. F. P. 835. (Kozlovsky district Committee of the CPSU (b)).* (In Russ.).
- RGASPI — *Russian State Archive of Socio-Political History. F. 17. (Central Committee of the CPSU).* (In Russ.).
- The CPSU in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee, 3. (1984). Moscow: Politizdat. P. 415.* (In Russ.).

References

- Bezgin, V. B., Nikolashin, V. P. (2019). Policy of Collectivization and Peasant Resistance (Based on Materials of Kozlovsky District of Central Chernozem Region). *Nauchnyi dialog*, 6: 243—259. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2019-6-243-259>. (In Russ.).
- David-Fox, M. (2020). *Crossing borders: Modernity, ideology and culture in Russia and the Soviet Union*. Moscow: New Literary Review. 464 p. ISBN 978-5-4448-1214-3. (In Russ.).
- Evdokimov, A. P., Nagkin, T. D. (2014). Social behavior of the Mordovian peasantry in the late 1920s — the first half of the 1930s: from confrontation to adaptation. *Humanities and Education*, 4: 153—156. (In Russ.).
- Fitzpatrick, S. (2008). *The Stalinist peasants. The Social History of Soviet Russia in the 30s: a village*. Moscow: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN); Foundation of the First President of Russia B. N. Yeltsin. 422 p. ISBN 978-5-8243-1012-2. (In Russ.).
- Geraskin, Yu. V., Dzheyranov, S. N. (2019). Power and the Church during the period of collectivization in the Ryazan village. *Bulletin of the Ryazan State University named after S. A. Yesenin*, 2 (63): 27—41. (In Russ.).
- Goncharova, I. V. (2011). The conflict of “fathers and children”: a new interpretation (participation of the youth of the Central Chernozem region in the political campaigns

- of 1928—1930 In the village. *Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Humanities*, 2: 3—7. (In Russ.).
- Goncharova, I. V. (2015). *The peasantry of the Central Chernozem region in the context of the preparation and conduct of collectivization in 1928—1932*. Doct. Diss. Moscow. 522 p. (In Russ.).
- Ievleva, O. I. (2016). Collectivization and the sentiments of the peasants of the Sukhinichi district of the Western region. *Actual problems of the humanities and natural sciences*, 4—1: 193—197. (In Russ.).
- Kedrov, N. G. (2013). *Bast shoes of Stalinism. The political consciousness of the peasantry of the Russian North in the 1930s*. Moscow: Political Encyclopedia. 280 p. ISBN 978-5-8243-1815-9. (In Russ.).
- Kulguskina, L. V. (2001). Socio-psychological appearance of the generations of “fathers” and “children of the 1930s”. *Proceedings of the Altai State University*, 4: 34—40. (In Russ.).
- Kuznetsov, I. A. (2013). The political culture of the peasantry and the political regime in the USSR in the 1920s and 1930s. In: *State power and the peasantry in the XIX — early XXI century*. Kolomna: Moscow State Regional Socio-Humanitarian Institute. 482—484. (In Russ.).
- Mannheim, K. (1998). The problem of generations. *New Literary Review*, 2 (30): 7—47. (In Russ.).
- Panarin, A. A., Stetsura, Yu. A. (2012). Youth in the restructuring of agriculture in the USSR at the turn of the 20—30s of the twentieth century. *Bulletin of the Adygea State University. Series 1: Regional Studies: philosophy, history, sociology, law, political science, cultural studies*, 2: 56—62. (In Russ.).
- Shanin, T. (1997). *Revolution as a moment of truth. Russia 1905—1907 — 1917—1922*. Moscow: The Whole World. 560 p. ISBN 5-7777-0039-X. (In Russ.).
- Shanin, T. (2005). History of generations and generational history. *Man. Community. Management*, 3: 6—25. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023). Intergenerational Rift in Russian Village: Impact of “Anti-Religious Offensive” of Communist Youth at Turn of the 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 12 (3): 446—477. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-3-446-477>. (In Russ.).
- Slezin, A. A. (2023a). Children in the “anti-religious offensive” at the turn of the 1920s and 1930s. *The modern history of Russia*, 13 (4): 956—973. DOI: 10.21638/spbu24.2023.416. (In Russ.).
- Slezin, A. A., Yakimov, K. A. (2022). Public Sentiment among Peasantry of “Revolutionary Turning Point” Generation at turn of 1920—1930s. *Nauchnyi dialog*, 11 (8): 453—469. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-8-453-469>. (In Russ.).
- Stroganov, A. V. (2021). The phenomenon of women’s protest in rural areas in the Moscow region during the period of collectivization. *Power*, 29 (1): 144—149. DOI: <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i1.7929>. (In Russ.).
- Viola, L. (2010). *Peasant revolt in the era of Stalin: collectivization and the culture of peasant resistance*. Moscow: ROSSPEN. 366 p. ISBN 978-5-8243-1311-6. (In Russ.).

*The article was submitted 15.06.2025;
approved after reviewing 05.10.2025;
accepted for publication 14.11.2025.*